

ДМИТРИЙ ЦЫГАНОВ
(Москва)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ПУШКИНА У ИСТОКОВ «БЕЗРОДНОГО КОСМОПОЛИТИЗМА»

*Эпизод из истории советской филологической
науки 1920–1940-х годов**

В статье на примере книги И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (1941) не только рассматриваются истоки идеологической кампании против «безродного космополитизма», но и намечается проблематика преодоления филологической наукой 1940-х раннесоветского интернационального импульса. Усиление «национальной» тенденции в подходе к «классическому» литературному канону по-новому поставило вопрос о месте Пушкина в мировой литературе, который активно обсуждался еще с середины 1920-х годов. В работе прослеживается методологическая трансформация от сравнительно-исторического подхода в решении этого вопроса, представленного, например, в сборнике «Пушкин в мировой литературе» (1926), к доминированию национализирующего дискурса, достигшего своего апогея в кампании против «безродного космополитизма» 1948–1949 годов. Центральное место в исследовании занимает анализ процесса подмены академической дискуссии о «европеизме» Пушкина прямыми политическими обвинениями, что привело к маргинализации значительного пласта пушкиноведческих исследований. В статье также показано, каким образом в позднесталинский период происходили идеологическая интенсификация литературной критики и радикальный пересмотр академического наследия 1920-х годов.

Ключевые слова: история советского литературоведения, советское пушкиноведение, И. М. Нусинов, А. С. Пушкин, классический канон, мировая литература, борьба с космополитизмом, идеология и филология.

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00196, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)», <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Цыганов, научный сотрудник Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, Россия.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

**Pushkin's Internationalism at the Origins of
"Rootless Cosmopolitanism"**
*An Episode from the History of Soviet
Philological Science in the 1920s–1940s*

The article, using the book by Isaak M. Nusinov *Pushkin and World Literature* (1941) as an example, not only examines the origins of the ideological campaign against "rootless cosmopolitanism", but also outlines the problem of overcoming the early Soviet international impulse by philological science. The strengthening of the "national" tendency in the approach to the "classical" literary canon has raised in a new way the question of Pushkin's place in world literature, which had been actively discussed since the mid-1920s. The paper traces the methodological transformation from a comparative historical approach to resolving this issue, presented, for example, in the collection *Pushkin in World Literature* (1926), to the dominance of a nationalizing discourse that reached its apogee in the campaign against "rootless cosmopolitanism" in 1948–1949. The central place in the study is occupied by an analysis of the process of replacing the academic discussion of Pushkin's "Europeanism" with direct political accusations, which led to the marginalization of a significant layer of Pushkin studies. The article also shows how the ideological intensification of literary criticism and a radical revision of the academic heritage of the 1920s took place in the late Stalinist period.

Keywords: History of Soviet Literary Criticism, Soviet Pushkin Studies, Isaak M. Nusinov, Alexander S. Pushkin, Classical Canon, World Literature, Struggle against Cosmopolitanism, Ideology and Philology.

About the author: Dmitry M. Tsyganov, research fellow, Department of Manuscripts, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

DOI: 10.48612/sum/2025-21-3-4-366-386

29 августа 1948 года главный редактор «Литературной газеты» В. В. Ермилов выступил на ее страницах с первой частью печально известной статьи «За боевую теорию

литературы». Тщетно подвизавшийся в те годы на ниве пушкиноведения¹ критик из бывших рапповцев писал, что «взгляды, совершенно тождественные тем взглядам, которые нашли выражение в книжке И. Нусинова, имеют хождение и на других участках идеологического фронта».² Речь шла о книге И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (М.: Советский писатель, 1941), которую, по словам Ермилова, следует считать источником идеологии «безродного космополитизма». Это же представление позднее закрепились и в филологическом сообществе; ср. фрагмент из письма Ю. Г. Оксмана М. К. Азадовскому от 10 сентября 1949 года: «...историческая несостоятельность космополитизма обнаружилась настолько очевидно, что единственным Аннибалом его оказался покойный Нусинов».³

Даже самый поверхностный и беглый просмотр огромной библиографии вышедших ко второй половине 1940-х пушкиноведческих работ (в основном — дореволюционных) надежно доказывает, что поставленная Нусиновым проблема была отнюдь не нова.⁴ Так, почти за 15 лет до выхода его книги свет увидел сборник статей «Пушкин в мировой литературе» ([Л.:] Госиздат, 1926), «выдержанный по методу — сравнительно-историческому» (!) и опубликованный под грифом Научно-исследовательского института сравнительного

¹ Ср., например, более позднюю брошюру: *Ермилов В. В.* Наш Пушкин. М., 1949.

² *Ермилов В.* За боевую теорию литературы // Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 августа. С. 3. В 1949 году Ермилов по мотивам своей большой работы прочитал в Центральном лектории Общества в Москве публичную лекцию «Прекрасное — это наша жизнь! За боевую теорию литературы». Стенограмма этого выступления позднее вышла в издательстве «Правда». См.: *Ермилов В. В.* Прекрасное — это наша жизнь! За боевую теорию литературы: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М., 1949.

³ Цит. по: Марк Азадовский. Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / Сост., вступ. статья, комм. К. М. Азадовского. М., 1998. С. 118. По всей видимости, на тот момент Нусинов еще был жив, хотя и находился в заключении.

⁴ Подробнее об основных вопросах советского пушкиноведения 1920–1940-х годов см.: *Турчаненко В. В., Цыганов Д. М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025.

изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при ЛГУ. В предисловии к сборнику читаем:

...сравнительно-исторический метод приближает нас к научному познанию творчества Пушкина, его места в мировой литературе. Из автономной, себе довлеющей творческой личности поэт становится мощным центром скрещения литературный причинно-следственных рядов. Через него проходят, в нем преломляются и широкие вековые литературные течения и слабые ручейки какого-нибудь индивидуального поэтического «заимствования». Дело науки — найти за этими ближайшими литературными связями более глубокие зависимости, обуславливающие в конечном счете восприятие поэтом именно тех, а не иных идеологических и художественных «влияний» и «тенденций».¹

Большинство статей, вошедших в этот сборник, имели текстологическую направленность и были посвящены разысканиям в области литературных источников пушкинских текстов. Однако некоторые из исследований решали вполне концептуальную задачу локализации писательской практики Пушкина в общем литературном движении двух веков (хотя никто не осмеливался выносить однозначный вердикт относительно масштабов пушкинского дарования). Но задача эта решалась весьма формально: ни один из авторов сборника не заявлял о намерении обнаружить стимулы и объяснить праматику взаимной рецепции. Меж тем Б. В. Томашевский еще в 1925 году писал, что при изучении пушкинского творчества

следует учитывать то «равнение по Западу», которое примечалось в литературной эволюции начала XIX века. Понятно — всякая литература всегда национальна в том

¹ Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. VI. До этого некоторые статьи по сходной проблематике были напечатаны в «Пушкинском сборнике памяти проф. С. А. Венгерова» (М.; Пг.: Госиздат, 1923); см., например: *Томашевский Б. В.* Пушкин — читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1923. С. 210–228; *Якубович Д. П.* К стихотворению «Таится пещера»: (Пушкин и Овидий) // Там же. С. 282–294; *Жирмунский В. М.* Байронизм Пушкина, как историко-литературная проблема // Там же. С. 295–326.

смысле, что идет своими национальными путями, и судьба ее определяется ее внутренним развитием. Но часто это национальное развитие бывает однокрылым, и литература одного народа неудержимо стремится к тому, чтобы идти в ногу (обычно запаздывая при этом) с какой-нибудь иностранной литературой, становится ее попутчицей и обрекает себя в некоторой степени на то, чтобы разделять судьбу избранного в руководители народа. Таким «попутничеством» отличалась русская литература начала XIX века...¹

Сходные суждения о «европейскости» Пушкина то и дело возникали в специальной литературе вплоть до середины 1930-х, когда отчетливо обозначился поворот к «национализации» его творчества. Одно из последних среди известных нам суждений такого толка принадлежало В. А. Десницкому — автору вступительной статьи к гослитиздатскому тому «Сочинений» (под ред. Б. В. Томашевского. Л., [1936] 1935) Пушкина; ср.:

В плане европейском Пушкин — первый великий европейский поэт русской нации, на новом языке, в новых образах и звуках отразивший новый российский участок европейской действительности своей эпохи. <...> Поскольку же он был первым поэтом на новом европейском языке, поэтом молодой национальной культуры, слагавшейся в соседстве и во взаимоотношениях с культурами более зрелыми, *он был, может быть, больше европейцем, чем русским*, в сравнении хотя бы с Гоголем.²

В связи со 100-летней годовщиной со дня пушкинской кончины, широко отмечавшейся в 1937 году, проблема (интер) национального значения пушкинской литературы обострилась вновь, но иными оказались политико-идеологические обстоятельства ее актуализации. В январской книжке «Красной нови» появилась большая полемическая статья литературоведа и переводчика В. И. Нейштадта под названием «Пушкин

¹ Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 76.

² Цит. по: Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 263. Курсив наш.

в мировой литературе»,¹ прямо отсылающая к упомянутому сборнику 1926 года. Нейштадт резко отзывается о тех исследователях (не только об авторах этого сборника, но и, например, о Д. П. Мирском), которые указывают на обильные пушкинские заимствования из иностранных авторов,² и пишет о том, что

уничижительный взгляд на Пушкина, как на местного поэта, продолжает бытовать в сознании советских критиков и исследователей. Оскорбительно слышать в разговоре, что Пушкин, дескать, «колониальный поэт», не оказавший никакого влияния на мировую литературу.³

Критик настаивал, что решение этой проблемы лежит в области не тщательной текстологической работы по поиску явных и скрытых цитат, а анализа переводческой практики (именно этому аспекту в основном на материале немецких и французских переводов и посвящены первые пять частей статьи), критической⁴ (следующие пять частей) и собственно литературной рецепции (заключительные две части). Отметим, что фрагменты, в которых Нейштадт скрупулезно, с применением статистических данных рассматривает процесс

¹ Позднее Нейштадт републиковал эту же статью, внося в текст несколько уточнений и сделав ключевые тезисы более различимыми (см.: *Нейштадт Вл.* Пушкин в мировой литературе // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1937–1937. М.; Л., 1938. С. 229–280).

² С большой долей уверенности можно предполагать, что к их числу Нейштадт относил и ранее раскритикованных М. А. Лифшицем в статье «Пушкинский временник (обзор статей)» (опубл.: Литературный критик. 1936. № 12) Б. В. Томашевского и А. А. Ахматову, чьи статьи «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер» и «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина» были напечатаны в первом «Временнике» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936).

³ *Нейштадт Вл.* Пушкин в мировой литературе // Красная новь. 1937. № 1. С. 145.

⁴ В тот же год Нейштадт опубликовал специальную работу, посвященную вопросу критической рецепции Пушкина (см.: *Нейштадт Вл.* Пушкин в оценке западноевропейской критики // Вестник АН СССР. 1937. № 2–3. С. 199–219). Примерно тогда же в печати появилась другая статья на ту же тему; см.: *Казанский Б.* Западно-европейская критика о Пушкине // Литературный критик. 1937. № 4. С. 112–144.

проникновения пушкинских текстов в иноязычную среду, чередуются с публицистическими фрагментами разной степени резкости. Так, критик предлагает такое объяснение весьма сдержанной рецепции:

Впрочем, что касается Пушкина, некоторая замедленность проникновения его в иноязычные культуры объясняется еще одним приводящим обстоятельством: Пушкин писал на русском языке. А русский язык тогда был еще почти неизвестен на Западе. И мало того, что не известен, к нему относились с «гордым» пренебрежением. Пушкину и суждено было сломать это сложившееся представление о русском языке. Мы имеем ряд свидетельств, что именно чтение пушкинских произведений в переводе заставляло того или иного квалифицированного читателя заняться изучением русского языка.¹

Статья Нейштадта была идеологически важна тем, что как бы смещала фокус исследовательской оптики, перенося его с дискредитирующей проблемы пушкинских заимствований на политкорректный вопрос о пушкинском же влиянии. И в ответе на этот вопрос критик, вооружившись весьма подробной библиографией, вновь сбивается на пропагандистские клишированные формулы:

Ряд художественных произведений позднейших литературных поколений в различных странах несет на себе следы конкретного воздействия художественных идей и образов Пушкина. Этот ряд, несомненно, не исчерпывается приведенными примерами. Только последующие сравнительно-литературные изыскания могут приблизить его к пределу. Однако вопрос, *что дал* Пушкин мировой литературе, решается не только накоплением фактов непосредственного использования пушкинских идей и образов, ставших общим поэтическим достоянием. *Основное значение Пушкина для мировой литературы, по признанию западно-европейской критики, заключается, во-первых, в принципах его художественного стиля, а во-вторых, — и это самое главное — в его творческом методе, который положил*

¹ Нейштадт Вл. Пушкин в мировой литературе. С. 147.

начало новой реалистической поэзии. Реализм Пушкина и его гармоническое мировосприятие давали европейской литературе выход из тупиков пессимизма и мистицизма, в которые заводил ее буржуазный романтизм.¹

Тогда же в третьем «Временнике Пушкинской комиссии» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937) появились обзорные статьи резюмирующего толка «Пушкин и западные литературы» В. М. Жирмунского, «Пушкин на Западе»² М. П. Алексеева, а также работы «Пушкин и Монтэн» В. И. Бутаковой и «Пушкин и Лафонтен» Б. В. Томашевского. В двукратном четвертом-пятом «Временнике» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939) появились статьи «Пушкин и античность» М. М. Покровского, ««Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта» Д. П. Якубовича, «Пушкин в переводах Мериме» Л. Р. Когана. За несколько месяцев до выхода книги Нусинова в шестом «Временнике» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941) были напечатаны статьи «Античность в творчестве Пушкина» на тот момент уже покойного Якубовича и «Пушкин и Тацит» И. Д. Амузина. Все эти историко-литературные и текстологические исследования были посвящены частным сюжетам из истории российско-западных культурных связей и ставили вопрос о месте Пушкина в общеевропейском литературном развитии предельно конкретно. Иную — *теоретическую* — задачу перед собой ставил И. М. Нусинов.

¹ Там же. С. 172. Жирмунский тогда же указывал на то, что «реализм Пушкина прошел через классическую закалку и сохраняет простоту, ясность, объективность, гармоническую соразмерность формы, характерную для классического стиля, логическую точность и предметность словесного выражения» (*Жирмунский В. М.* Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 72).

² Вскоре обе эти статьи были републикованы в: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии АН СССР. По словам В. Э. Вацуро, «работа М. П. Алексеева, по существу, явилась первым опытом в постановке проблемы. У исследователя здесь были только библиографические предшественники: Г. Н. Геннади, В. И. Межов, П. Драганов, — и единичные исследователи (В. Шульц, В. А. Францев, Э. Оман, Ж. Жюссерандо, А. Марков), изучавшие восприятие Пушкина во Франции, Германии, славянских странах и чаще всего ставившие себе локальные задачи» (*Вацуро В. Э.* Проблема «Пушкин и мировая литература» в трудах М. П. Алексеева // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 582).

После постановления Оргбюро ЦК «О литературной критике и библиографии»¹ от 26 ноября 1940 года издательство «Советский писатель» проявляло особую лояльность к поступавшим в редакцию литературоведческим текстам. Так, например, именно тогда к печати была принята книга о немецком романе XVIII века «Роман воспитания и его значение в истории реализма» (проспект книги был представлен в издательство еще 20 сентября 1937 года) Бахтина, некогда осужденного и позднее сосланного по делу квазимасонской организации «Воскресение».² А уже 15 мая 1941 года к печати была подписана книга Нусинова «Пушкин и мировая литература». Ответственным редактором этой книги неслучайно был назначен Ал. Лаврецкий (наст. имя — Иосиф Моисеевич Френкель) — сотоварищ Нусинова по «Литературной энциклопедии». Вскоре книга вышла тиражом 7000 экземпляров. Концептуальный каркас исследования, подробно охарактеризованный в первой главе «Пушкин и современный ему Запад», составлен на тот момент уже прочно укрепившейся в науке оппозицией *классического* и *романтического* эстетических модусов, главными выразителями которых, по Нусинову, были Шекспир и Шиллер. В эту контекстуальную рамку исследователь вписал пушкинскую литературную практику:

...в ту эпоху в Европе жили два гения, которые не на словах, а самой своей творческой практикой утверждали заветы Шекспира: старик Гете — в Германии, молодой Пушкин — в России. В соответствии со всем послешекспировским

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 61. Л. 5–8.

² Подробнее об обстоятельствах работы Бахтина над книгой см.: *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2010. С. 432–438. Важно и то, что именно «нестандартный» (по выражению М. В. Юдиной) Нусинов, наряду с А. А. Смирновым и А. К. Джигелевым, выступил оппонентом на защите кандидатской диссертации М. М. Бахтина «Ф. Рабле в истории реализма», состоявшейся на заседании Ученого совета ИМЛИ 15 ноября 1946 года (см.: Там же. С. 121–126, 182–185; текст диссертации см.: ОР ИМЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 19–19а). Рецензенты единогласно рекомендовали диссертанта к присуждению не кандидатской, а докторской степени. Соответствующее прошение было направлено в ВАК, откуда пришел восторженный отзыв референта М. П. Алексеева.

опытом человеческой истории они продолжили и углубили Шекспира. Творчество Пушкина с самого начала было отрицанием шиллеризирования и утверждением художественной системы Шекспира. В годы торжества романтической (по существу шиллеризирующей) драмы на Западе Пушкин создал шедевры трагедийного искусства, исполненные шекспировского реализма. Дело не в том, что у Байрона и Шелли или даже у Виктора Гюго и Альфреда де-Виньи не было сил для создания трагедийных характеров, а Пушкин такой творческой мощью обладал.¹

В этом фрагменте Нусинов отчетливо следует за позицией Тынянова, изложенной им во вступительной статье к отдельному изданию «Прокофия Ляпунова» (Л.: Советский писатель, 1938) В. К. Кюхельбекера. Тынянов писал о том, что Кюхельбекер не сумел противопоставить «шиллеровскому» началу начало «шекспировское»: «На трагедии своеобразно отразилась борьба между поэтикой Шекспира и Шиллера, которая шла в русской драматургии 20-х годов и одним из самых горячих участков которой был Кюхельбекер. <...> И Шекспир и Шиллер были у Кюхельбекера в руках во время написания трагедии. <...> В итоге — колебания и, наконец, прямое влияние поэтики Шиллера».²

Важно отметить, что для решения своих задач Нусинов избрал не вполне отвечавший советским культурно-идеологическим реалиям невыгодно асимметричный дедуктивный метод: особенности пушкинского творческого кредо были поставлены в зависимость от более общих, наднациональных культурных метаморфоз. Вслед за Жирмунским он рассматривал «литературную эволюцию» Пушкина как сознательное движение от «романтического» отрицания канонов к утверждению «реалистических» ориентиров поэтики.³ Таким образом, выстраивалась следующая объяснительная схема:

¹ Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 6.

² Тынянов Ю. [Вступительная статья] // Кюхельбекер В. К. Прокофий Ляпунов. Л., 1938. С. 15, 17.

³ К моменту выхода «Пушкина и мировой литературы» книга В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе» (Л.: Гослитиздат, 1937), выросшая из статьи «Гете в русской поэзии» (опубл.: Литературное

Пушкина объединяло с романтиками глубокое недовольство социальной действительностью не только русской, но и западной. Пушкина роднила с романтиками Запада его антибуржуазность. Но в литературном плане их объединяла преимущественно борьба против рационализма классиков, против художественной регламентации форм и приемов.

Пушкин называл Гете «великаном романтической поэзии». Но ведь ясно, что и Гете можно назвать романтиком только в том смысле, что он своим творчеством разрушал формальные каноны классиков, что он глубоко чужд рационализму, во всяком случае там, где он оставался «величайшим немцем» (Энгельс). Словами «великан романтической поэзии» Пушкин безусловно подчеркивал и этот формальный антиклассицизм Гете и беспредельную устремленность его творческой мысли. Гете был дорог Пушкину своим великим реализмом, своей чуждой рационализму философской глубиной, единством дерзновенной философской мысли и реалистической правды живой действительности.

Для Пушкина свобода поэтического творчества была требованием жизненной правды, глубокой правдивости поэзии.¹

наследство: [Гете]. М., 1932. Т. 4–6), была внимательно прочитана большей частью гуманитарного сообщества. В этой книге литературовед писал об отсутствии прямого творческого влияния Гете на Пушкина: «Относительно Пушкина можно сказать, что ни одна черта в его поэтическом облике не была подсказана влиянием немецкого поэта. Не только Байрон и Вальтер Скотт, но даже Парни и Андре Шенье оказали на него в этом смысле гораздо более значительное воздействие. <...> Упоминания о Гете в критических статьях Пушкина появляются довольно часто после 1827 г., т. е. после сближения с “Московским вестником”, и связаны часто с той переоценкой Байрона, которая характеризует философско-поэтические позиции “любомудров”. Предпосылкой для такой переоценки является перелом в политических взглядах Пушкина в послеоктябрьскую эпоху, а непосредственно в области поэтического творчества — преодоление байронического индивидуализма и субъективизма “южных поэм” в объективных жанрах эпоса, драмы и романа. Имена Шекспира, Вальтера Скотта и Гете как поэтов “объективных” вытесняют теперь в высказываниях Пушкина имя Байрона» (*Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1937. С. 132–133). Приведенные фрагменты из книги Нусинова свидетельствуют о его подробном знакомстве с трудом своего прямого предшественника, хотя ни одной прямой ссылки в «Пушкине и мировой литературе» на эту книгу Жирмунского (как, впрочем, и на другие его работы) нет.

¹ *Нусинов И. М.* Пушкин и мировая литература. С. 8. Примечательно, что позднее А. А. Фадеев — автор важного для построений Нусинова

Вместе с тем Нусинов, видя Пушкина в широком контексте, отказывал ему в роли автора, всецело принадлежавшего контексту «мировой литературы»:

И все же творчество Пушкина оказало несравненно меньшее влияние на западную литературу, чем творчество, например, Толстого и Достоевского.

Пушкина на Западе давно переводят и ценят. Но его больше признают, чем знают.

Пушкин, даже признанный, не вошел в общеевропейский культурный оборот, как Гете или Байрон, или как два других русских гения — Достоевский и Толстой.¹

И далее:

...гений Пушкина вырос из русской культуры, воплотив в себе гений русского народа. Но Пушкин стал шестым в ряду с Гомером, Данте, Шекспиром, Кальдероном и Гете, потому что его творчество было новым синтезом всей предшествовавшей ему литературной культуры человечества. <...>

Нам кажется, что Пушкин в меньшей степени стал в центре внимания западного писателя и читателя потому, что он, — величайший русский народный поэт, — был не только по своей культуре, но и по своим творческим устремлениям, по своему миросозерцанию, по всему своему философскому характеру несравненно больше всевропейский писатель, чем Толстой и Достоевский. Творчество Толстого и Достоевского, как и творчество Пушкина, включало в себя опыт Запада. Но Толстой и Достоевский отрицали Запад, противопоставляя ему свои восточные идеалы, идеалы России.

трактата «Долой Шиллера!» (1929) — повторит эти же идеи, обернув их против их же автора: «Например — Гете. По характеру и глубине поднятых этим гениальным художником жизненных вопросов его нельзя отнести к романтикам. Однако форма, в которой Гете преподносит великое жизненное содержание, большей частью романтична. Таким образом, реализм может выступать и в романтической форме, особенно в поэзии. Но не только в поэзии» (цит. по: *Фадеев А. А.* За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957. С. 402).

¹ *Нусинов И. М.* Пушкин и мировая литература. С. 15. В этих утверждениях Нусинов отчетливо вторил идеям статьи поруганного критикой и тогда уже погибшего в лагере близ Магадана Д. Мирского «Проблема Пушкина», опубликованной в «пушкинском» томе «Литературного наследства».

Пушкин, исходя из великих задач своего народа, будущее которого было для него немыслимо вне путей Запада, продолжал и углублял западную культуру.¹

Весь последующий анализ конкретных пушкинских текстов² Нусинов строит по тем методологическим схемам, которые были сформулированы им в «бурные» 1930-е: исследователь остался верен теоретико-эстетическим установкам, которые выработал в ходе непрекращавшихся полемик и дискуссий. Неизменным остался «вульгаризаторский», «благодаристский» взгляд Нусинова на зависимость творческого метода от «мировоззрения». Хотя и в значительно притупленном виде, он все же реализовался и в этой книге; ср.:

Пушкин создал совершенные образы всеевропейской, всечеловеческой значимости не вследствие мистических свойств, приписываемых ему русским православным мессианизмом. Создал он эти образы потому, что впитал в себя не только все русское, но и всю мировую художественную культуру, потому что сумел помножить русский исторический опыт на опыт мировой. Это дало возможность его гению с такой полнотой и совершенством воплотить художественные образы, которые возникли не на русской, а на западной почве.³

Выбивается из образованного последующими главами нарратива только последняя — «Пушкин против Достоевского».⁴

¹ Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. С. 16, 17–18.

² Нусинов очертил вполне конкретный круг пушкинских произведений, подробно разбору которых будут посвящены последующие главы: «Сцена из «Фауста», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Анджело», «Египетские ночи», «Сцены из рыцарских времен» — вот серия произведений Пушкина, в которых им по-новому воссозданы основные мотивы и образы мировой литературы» (Там же. С. 37).

³ Там же. С. 395. Кроме того, несмотря на прекращение выпуска журнала «Литературный критик» (с августа 1941 года было прекращено издание «Литературного обозрения» — двухнедельного приложения к ликвидированному журналу) и публичную критику его «обособленности от писателей» в постановлении «О литературной критике и библиографии», Нусинов без должной осторожности цитировал опубликованные там статьи.

⁴ Заметим, что в большом числе известных нам экземпляров книги, которые сохранились в частных книжных собраниях, эта глава чаще всего вырвана.

(Нусинов не вполне оригинален в этом сопоставлении; у Л. А. Словохотова в книге 1927 года читаем:

В индивидуальных стилях отдельных писателей русской художественной классики мы теперь изучаем социально яркое и типовое явление. *Пушкин и Достоевский в этом отношении представляют собой как узловые точки литературных стилей*, так и гениальных выразителей всех нитей русской литературы.¹

Однако весьма оригинален тот ракурс, который избран для освещения этой проблемы). Заключительная глава посвящена «Речи о Пушкине» Ф. М. Достоевского, произнесенной 8 (20) июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности в зале московского Благородного собрания. Нусинов писал, что детальное рассмотрение этой речи

необходимо хотя бы потому, что еще в дни столетнего юбилея со дня смерти Пушкина крупные западные писатели и между ними люди весьма близкие нам писали, что Запад понял и оценил Пушкина лишь после речи Достоевского. Неудивительно, что в юбилейных статьях ряда западных писателей слышны были мессианистские (sic!) ноты Достоевского.²

Литературовед прямо связывал международное признание Пушкина с частным случаем из биографии не принятого советской властью писателя и открыто призывал снять негласный запрет на научное и творческое освоение его наследия:

¹ *Словохотов Л. А.* О классиках русской литературы. Саратов, 1927. С. 143. Курсив наш.

² *Нусинов И. М.* Пушкин и мировая литература. С. 379. Позднее к этому же «сюжету» обратился и Благой, очевидно «впечатлившийся» идеями Нусинова, изложенными в этой главе (см.: *Благой Д. Д.* Достоевский и Пушкин // Достоевский — художник и мыслитель: Сб. статей. М., 1972. С. 344–426). Подробнее о стратегиях научной работы Благого см.: *Цыганов Д. М.* «И миру тихую неволю в дар несли...» Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д. Д. Благого (1920–1950-е гг.) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2024. Вып. 38. С. 193–222.

Достоевский отнюдь не принадлежит к наследству, от которого мы должны отказаться. Наоборот, мы недостаточно используем наследие этого гениального писателя, которого Горький в некоторых отношениях ставил рядом с Шекспиром. Достоевский, прежде всего, русский гений. Но он, как Пушкин, как Толстой, как впоследствии Горький, синтезировал не один только русский, но и мировой опыт.¹

Позволим себе сделать небольшой побочный комментарий к этому фрагменту. Помещая в один контекст имена Достоевского и Горького, Нусинов апеллировал к давнему спору, начатому во второй половине 1900-х и возобновившемуся с особой ожесточенностью в первой половине 1910-х.² Горьковская критика «невыносимого» для него автора впоследствии повлияла на отношение к Достоевскому в среде марксистски ориентированной околολитературной публицистики. Однако не приостановила научную работу: так, например, в 1922 году в издательстве «Мысль» вышел сборник «Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы» под редакцией А. С. Долинина (в 1924 году — второй сборник с тем же названием), а в Госиздате — «Творчество Достоевского» В. Ф. Переверзева и «Семинарий по Достоевскому» Л. П. Гроссмана; в 1924 году — его же книга «Путь Достоевского» в издательстве «Брокгауз-Ефрон»; в 1925 году — «Воспоминания» А. Г. Достоевской под его же редакцией и с его же предисловием; десятилетием позднее, в 1935 году, — «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах» в издательстве «Academia»; в 1926–1930 годах в Госиздате вышло Полное собрание художественных произведений Достоевского в 13 томах под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. Спор о творческом «наследстве» продолжал оставаться актуальным в 1930–1940-е годы, когда тексты Достоевского почти не изучались: советское литературоведение выбрало сторону Горького, объявив Достоевского «реакционным» «буржуазным»

¹ Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. С. 380.

² См.: Красновская Е. Горький и рабочая пресса в дискуссии о Достоевском в 1913 г. // На литературном посту. 1931. № 15. С. 7–9.

автором.¹ Это обстоятельство определило ряд ограничений в вопросе научно-критического осмысления фигуры Достоевского. Так, например, А. К. Тарасенков в статье «Горький — родоначальник и вождь советской литературы» (1947) напоминал о борьбе Горького «против культа Достоевского, особенно широко распространенного в те годы в Западной Европе. Горький сближает реакционные идеи Достоевского с Ницше и современным фашизмом».² Тогда же жесточайшей критике за публикацию книги «Молодой Достоевский» (М.: Гослитиздат, 1947) подвергся В. Я. Кирпотин, в те годы занимавший пост заместителя директора ИМЛИ.³ По той же причине книга Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (Л.: Прибой, 1929) была переиздана в «Советском писателе» под заглавием «Проблемы поэтики Достоевского» лишь 34 года спустя, в 1963 году.

Несмотря на высокую оценку роли Достоевского в истории культуры XIX столетия, его интерпретация пушкинского творчества казалась Нусинову неприемлемой и даже «унизительной»:

<Достоевский> унижал <Пушкина>, представляя его в виде заурядного охранителя. Он доподлинную народность Пушкина осквернил попыткой склонить «непокорную главу» поэта к подножию самодержавия и православия. Он, наконец, прославляя самобытность Пушкина, сделал

¹ См., например: *Ермилов В. В.* Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М., 1948; *Бялик Б. А.* Борьба Горького-художника против реакционных идей Достоевского // Горьковские чтения 1949–1950. М., 1951. С. 418–465; в послесталинские годы Бялик остался на тех же идейных позициях — ср.: *Бялик Б. А.* Достоевский и достоевщина в оценках Горького // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959. С. 65–100.

² Цит. по: *Тарасенков А. К.* Идеи и образы советской литературы. М., 1949. С. 83; одним из первых на эту связку указал Г. Лукач в статье «Ницше как предшественник фашистской эстетики» (опубл.: Литературный критик. 1934. № 12).

³ Позднее А. Белик писал: «В партийной печати были подвергнуты критике либерально-объективистские ошибки В. Кирпотина в его работах о Пушкине и Достоевском» (*Белик А.* О некоторых ошибках в литературоведении // Октябрь. 1950. № 2. С. 157).

его зауряднейшим представителем квиэтизма и квасного патриотизма староцерковного толка, ибо ничего нового в сравнении со всей этой поповской мудростью о «душевной правде» нет во всех приписываемых Пушкину призывах: «Найди себя в себе, подчини себя себе».

В дни Пушкина пред Россией стоял основной вопрос об уничтожении той системы, при которой народ, крестьяне покупались и продавались, как вещи. Пушкин всю свою жизнь был глубоко убежден, что не может быть речи ни о какой правде интеллигенции, ни о каком ее единстве с народом, ни о каком взаимном их понимании до тех пор, покуда эта система не будет уничтожена. А Достоевский приписывает Пушкину утверждение, что «не в вещах эта правда» и что, смирившись и примирившись с этими вещами, «поймешь, наконец, народ свой и святую правду».¹

Иными словами, Нусинов писал о том, что западный читатель познал не основные принципы пушкинского «интернационалистского» «мировоззрения», но их утрирующую интерпретацию Достоевским, который «низводил его <Пушкина. — Д. Ц.> новое слово к старым, избитым, ханжеским повторам христианских проповедей».² Литературовед подытоживает:

Достоевскому не дано было раскрыть сущность Пушкина. Он стремился мистически-поповской, смиренно-лакейской тайной окутать образ великого реалиста, всю свою жизнь боровшегося с мистикой, полного глубокого презрения к царизму и православию.³

В искреннем стремлении приобщиться к «передовой советской науке» Нусинов не проявил должную чуткость ни в вопросе интерпретации пушкинского творчества, ни в вопросе риторического оформления своих идей,⁴ имевших

¹ Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. С. 384.

² Там же. С. 390.

³ Там же. С. 391.

⁴ Редкие идеологизированные вкрапления на общем фоне теоретических построений Нусинова кажутся по меньшей мере комичными; ср. хотя бы: «...такими принципиально новыми взаимоотношениями Ленина,

вполне внятный «левый уклон». Внезапно перехлестнувшая через границы Советского государства летом 1941 года война хотя и отсрочила реакцию, создав иллюзию безопасности,¹ но в конечном счете не оградила литературоведа от неизбежных нападок со стороны поборников «партийной линии» в науке.

Сталина, Горького со своими соратниками, со всеми созидателями социалистической культуры снимается казавшаяся неразрешимой коллизия Сальери и Моцарта» (Там же. С. 142); «Надо ли говорить о том, каким ничтожным и жалким является это “окончательное слово” <Достоевского> в сравнении с тем подлинно великим словом, которое было возведено всему миру Сталинской Конституцией?» (Там же. С. 390).

¹ Летом 1941 года литературовед был эвакуирован в Чистополь, где входил в состав местного Правления Союза писателей, но часто бывал по рабочим делам и в Москве, и в местах эвакуации евреев из западных областей СССР. О включенности Нусинова в дело организации писательской жизни свидетельствует, например, следующий эпизод: в начале апреля 1942 года П. А. Арский в письме к А. Фадееву делился впечатлениями о жизни «литературной колонии» в Чистополе. В контексте разговора об организуемых Союзом «писательских средах» (по-видимому, имелись в виду литературные вечера в Чистополе, учрежденные правлением Союза писателей еще в первой половине декабря 1941 года (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 566. Л. 8–9)) Арский вскользь упомянул: «На одной из “сред” читал свою поэму <Н. Н.> Асеев. Она вызвала большую дискуссию: это “беспечность и самоуспокоенность до войны”, “воевать думали на чужой территории, а войну ведем на своей”, “Атлантическая хартия” и другие моменты в поэме Асеева, которые вызвали дискуссионные разговоры. На этом вечере выступал Нусинов, разгорелся спор. Асеев и Пастернак говорили с ним весьма сердито» (цит. по: «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. Кн. 1. С. 384–385). Речь в письме шла о позднее разгромленной поэме «Пламя победы», над которой Асеев работал между 1942 и 1944 годами (подробнее см.: *Цыганов Д. М.* Сталинская премия по литературе: (Культурная политика и эстетический канон сталинизма). М., 2023. С. 164–166). Много внимания в те годы Нусинов уделял проблемам еврейского театра. В архивном фонде ВТО сохранилось несколько машинописей его выступлений — «Еврейская драматургия в дни Отечественной войны» от 30 декабря 1942 года (см.: РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 6. Ед. хр. 176) и «Судьбы еврейского театра в Европе» от 15 июня 1943 года (см.: Там же. Ед. хр. 174).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
2. *Белик А.* О некоторых ошибках в литературоведении // Октябрь. 1950. № 2. С. 153–157.
3. Горьковские чтения 1949–1950. М., 1951.
4. *Десницкий В. А.* Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958.
5. Достоевский — художник и мыслитель: Сб. статей. М., 1972.
6. *Ермилов В. В.* За боевую теорию литературы // Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 августа. С. 3.
7. *Ермилов В. В.* Наш Пушкин. М., 1949.
8. *Ермилов В. В.* Прекрасное — это наша жизнь! За боевую теорию литературы: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М., 1949.
9. *Ермилов В. В.* Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М., 1948.
10. *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1937.
11. *Казанский Б.* Западно-европейская критика о Пушкине // Литературный критик. 1937. № 4. С. 112–144.
12. *Красновская Е.* Горький и рабочая пресса в дискуссии о Достоевском в 1913 г. // На литературном посту. 1931. № 15. С. 7–9.
13. *Кюхельбекер В. К.* Прокофий Ляпунов / Ред. и вступ. ст. Ю. Н. Тынянова. Л., 1938.
14. Литературное наследство: [Гете]. М., 1932. Т. 4–6.
15. Марк Азадовский. Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / Сост., вступ. статья, комм. К. М. Азадовского. М., 1998.
16. «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2.
17. *Нейштадт Вл.* Пушкин в оценке западноевропейской критики // Вестник АН СССР. 1937. № 2–3. С. 199–219.
18. *Нусинов И. М.* Пушкин и мировая литература. М., 1941.
19. *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2010.
20. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3.
21. Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1923.
22. *Словохотов Л. А.* О классиках русской литературы. Саратов, 1927.
23. Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837–1937. М.; Л., 1938.
24. *Тарасенков А. К.* Идеи и образы советской литературы. М., 1949.
25. Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959.

26. *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925.
27. *Турчаненко В. В., Цыганов Д. М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025.
28. *Фадеев А. А.* За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957.
29. *Цыганов Д. М.* «И миру тихую неволю в дар несли...» Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д. Д. Благого (1920–1950-е гг.) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2024. Вып. 38. С. 193–222.
30. *Цыганов Д. М.* Сталинская премия по литературе: (Культурная политика и эстетический канон сталинизма). М., 2023.

REFERENCES

1. *Alekseev M. P.* Pushkin i mirovaya literatura. L., 1987. (In Russ.).
2. *Belik A.* O nekotorykh oshibkakh v literaturovedenii // *Oktyabr'*. 1950. № 2. P. 153–157. (In Russ.).
3. *Gor'kovskie chteniya 1949–1950.* M., 1951. (In Russ.).
4. *Desnitskiy V. A.* Izbrannye stat'i po russkoy literature XVIII–XIX vv. M.; L., 1958. (In Russ.).
5. *Dostoevskiy — khudozhnik i myslitel':* Sb. statey. M., 1972. (In Russ.).
6. *Ermilov V. V.* Za boevuyu teoriyu literatury // *Literaturnaya gazeta*. 1948. № 69 (2452). 29 avgusta. P. 3. (In Russ.).
7. *Ermilov V. V.* Nash Pushkin. M., 1949. (In Russ.).
8. *Ermilov V. V.* Prekrasnoe — eto nasha zhizn'! Za boevuyu teoriyu literatury: Stenogramma publichnoy lektsii, pročitannoy v Tsentral'nom lektorii Obshchestva v Moskve. M., 1949. (In Russ.).
9. *Ermilov V. V.* Protiv reaktsionnykh idey v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: Stenogramma publichnoy lektsii, pročitannoy v Tsentral'nom lektorii Obshchestva v Moskve. M., 1948. (In Russ.).
10. *Zhirmunskiy V. M.* Gete v russkoy literature. L., 1937. (In Russ.).
11. *Kazanskiy B.* Zapadno-evropeyskaya kritika o Pushkine // *Literaturnyy kritik*. 1937. № 4. P. 112–144. (In Russ.).
12. *Krasnovskaya E.* Gor'kiy i rabochaya pressa v diskussii o Dostoevskom v 1913 g. // *Na literaturnom postu*. 1931. № 15. P. 7–9. (In Russ.).
13. *Kyukhel'beker V. K.* Prokofiy Lyapunov / Red. i vstup. st. Yu. N. Tyntyanova. L., 1938. (In Russ.).
14. *Literaturnoe nasledstvo: [Gete].* M., 1932. Vol. 4–6. (In Russ.).
15. *Mark Azadovskiy. Yulian Oksman: Perepiska, 1944–1954* / Sost., vstup. stat'ya, komm. K. M. Azadovskogo. M., 1998. (In Russ.).

16. «My predchuvstvovali polykhan'e...»: Soyuz sovetskikh pisateley SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Dokumenty i kommentarii. Iyun' 1941 — sentyabr' 1945 g. M., 2015. Vol. 2. (In Russ.).
17. *Neyshadt V.* Pushkin v otsenke zapadnoevropeyskoy kritiki // Vestnik AN SSSR. 1937. № 2–3. P. 199–219. (In Russ.).
18. *Nusinov I. M.* Pushkin i mirovaya literatura. M., 1941. (In Russ.).
19. *Pan'kov N. A.* Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bakhtina. M., 2010. (In Russ.).
20. Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. M.; L., 1937. [Vyp.] 3. (In Russ.).
21. Pushkinskiy sbornik pamyati professora Semena Afanas'evicha Vengerova. M.; Pg., 1923. (In Russ.).
22. *Slovokhotov L. A.* O klassikakh russkoy literatury. Saratov, 1927. (In Russ.).
23. Sto let so dnya smerti A. S. Pushkina: Trudy Pushkinskoy sessii Akademii nauk SSSR. 1837–1937. M.; L., 1938. (In Russ.).
24. *Tarasenkov A. K.* Idei i obrazy sovetskoy literatury. M., 1949. (In Russ.).
25. Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo. M., 1959. (In Russ.).
26. *Tomashevskiy B. V.* Pushkin: Sovremennye problemy istoriko-literaturnogo izucheniya. L., 1925. (In Russ.).
27. *Turchanenko V. V., Tsyganov D. M.* Pushkin nash, sovetskiy! Ocherki po istorii pushkinovedeniya stalinskoy epokhi (Idei. Proekty. Persony). M., 2025. (In Russ.).
28. *Fadeev A. A.* Za tridsat' let: Izbrannye stat'i, rechi i pis'ma o literature i iskusstve. M., 1957. (In Russ.).
29. *Tsyganov D. M.* «I miru tikhuyu nevolyu v dar nesli...» Ideologiya i pragmatika pushkinovedcheskikh rabot professora D. D. Blagogo (1920–1950-e gg.) // Vremennik Pushkinskoy komissii. SPb., 2024. Vol. 38. S. 193–222. (In Russ.).
30. *Tsyganov D. M.* Stalinskaya premiya po literature: Kul'turnaya politika i esteticheskiy kanon stalinizma. M., 2023. (In Russ.).